Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-5-259-262

ЛОШКАРЁВА Елизавета Александровна,

Студент ДВФУ г. Владивосток,

e-mail: mail@law-books.ru

ДОГОВОР О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. *В статье исследуются правовая природа и особенности договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации и зарубежных странах, а также выявляются проблемы его правового регулирования. Целью исследования является анализ ограниченной исполнимости договора, обусловленной приоритетом личных неимущественных прав, и сравнительно-правовая оценка различных моделей регулирования данного института.*

Ключевые слова: *суррогатное материнство; договор о суррогатном материнстве; вспомогательные репродуктивные технологии; семейное право; личные неимущественные права; родительский статус; судебная практика; правовая неопределённость; сравнительно-правовой анализ; репродуктивные права, договор, материнство, государство, семейное право, практика.*

LOSHKAREVA Elizabeth Alexandrovna,

FEFU student, Vladivostok

SURROGACY AGREEMENT IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. *The article examines the legal nature and features of the surrogacy agreement in the Russian Federation and foreign countries, as well as identifies the problems of its legal regulation. The purpose of the study is to analyze the limited enforceability of the contract, due to the priority of personal non-property rights, and a comparative legal assessment of various regulatory models of this institution.*

Key words: *surrogacy; surrogacy agreement; assisted reproductive technologies; family law; personal non-property rights; parental status; judicial practice; legal uncertainty; comparative legal analysis; reproductive rights, contract, maternity, state, family law, practice.*

Договор о суррогатном материнстве в праве Российской Федерации и иностранных государств представляет собой сложную и многогранную юридическую конструкцию, находящуюся на пересечении семейного, гражданского и медицинского права, а также затрагивающую фундаментальные вопросы правового статуса личности, охраны материнства и детства и допустимых границ вмешательства в репродуктивную сферу человека. В российской правовой системе суррогатное материнство допускается и регулируется совокупностью нормативных правовых актов, ключевое значение среди которых имеют Семейный кодекс Российской Федерации [1] и Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], определяющие как общие принципы применения вспомогательных репродуктивных технологий, так и отдельные юридически значимые аспекты оформления соответствующих правоотношений. При этом следует отметить, что в российском законодательстве отсутствует развернутое легальное определение договора о суррогатном материнстве, что обусловливает необходимость его доктринального осмысления и порождает неоднозначность в правоприменительной практике.

Заключение договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации обусловлено наличием медицинских показаний, препятствующих вынашиванию и рождению ребёнка потенциальной матерью, что отражает медицинско-биологическую природу данного института и его социальную направленность на преодоление бесплодия. Договор носит комплексный характер и включает элементы как гражданско-правового соглашения, так и медицинского вмешательства, требующего соблюдения специальных процедур и получения

информированного добровольного согласия всех участников. Существенной особенностью является то, что правовое регулирование не ограничивается моментом заключения договора, а распространяется на весь процесс — от имплантации эмбриона до государственной регистрации рождения ребёнка, что обусловливает необходимость учета интересов всех сторон, включая суррогатную мать, генетических родителей и самого ребёнка [3, с. 210].

Согласно положениям статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации [1], юридическое признание родительства в случае применения суррогатного материнства осуществляется на основании заявления лиц, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, при условии их брака либо, в отдельных случаях, заявления одинокой женщины. Данная норма закрепляет приоритет намерения стать родителями, однако её применение тесно связано с положениями статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, устанавливающей необходимость дополнительного волеизъявления суррогатной матери после рождения ребёнка. Тем самым законодатель закрепляет особый баланс между биологическим и социальным материнством, признавая за суррогатной матерью право окончательного решения о передаче ребёнка, что существенно отличает российскую модель от ряда зарубежных правопорядков, в которых приоритет отдаётся генетическим родителям или условиям договора.

Указанная конструкция порождает значительные правовые риски, обусловленные тем, что первоначальное согласие суррогатной матери на имплантацию эмбриона и последующее вынашивание ребёнка не носит безусловно обязывающего характера в части передачи ребёнка генетическим родителям после его рождения. Российская модель правового регулирования исходит из приоритета личных неимущественных прав женщины, непосредственно родившей ребёнка, в связи с чем её волеизъявление после родов приобретает самостоятельное юридическое значение и способно повлиять на окончательное определение родительского статуса. В случае отказа суррогатной матери от передачи ребёнка именно она может быть признана матерью с возникновением полного объёма родительских прав и обязанностей, что фактически нивелирует значение ранее заключённого договора и ставит под сомнение его способность выступать эффективным инструментом реализации интересов генетических родителей. Тем самым выявляется ограниченность договорной конструкции в данной сфере: несмотря на наличие соглашения, его положения не обладают свойством прямой и безусловной исполнимости, а их реализация зависит от последующего поведения сторон и оценки обстоятельств судом. Это позволяет сделать вывод о том, что договор о суррогатном материнстве в российском праве не соответствует в полной мере признакам классического гражданско-правового обязательства, поскольку не обеспечивает гарантированного достижения результата, на который направлена воля сторон, и подчинён приоритету охраны личных неимущественных прав над принципом свободы договора [8, с. 79].

Выше сказанное находит подтверждение в судебной практике, в частности в одном из наиболее показательных дел, связанном со спором о передаче ребёнка, известном как дело Ольги Миримской. В рамках данного дела генетическая мать обратилась в суд с требованием признать её матерью ребёнка, рождённого в результате применения программы суррогатного материнства, тогда как суррогатная мать отказалась передать ребёнка, оспаривая в том числе обстоятельства заключения соответствующего договора. Возникшая ситуация наглядно продемонстрировала, что наличие договора само по себе не обеспечивает автоматическую передачу ребёнка и не устраняет возможность возникновения конфликта между сторонами. Несмотря на противоречивость позиций участников, суды двух инстанций в конечном итоге признали истицу матерью ребёнка, однако данное решение было достигнуто не вследствие прямого исполнения договорных условий, а в результате комплексной оценки доказательств, установления факта генетического родства и анализа конкретных обстоятельств дела. Таким образом, данное судебное дело иллюстрирует ключевой вывод о том, что договор суррогатного материнства не действует как классическое обязательство с механизмом принудительного исполнения, а его юридическое значение опосредуется судебным усмотрением и необходимостью защиты интересов ребёнка [9, с. 68].

Конституционно-правовой аспект рассматриваемой проблемы также подтверждает ограниченный характер юридической силы договора о суррогатном материнстве. В ряде обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, в том числе по определениям от 27 ноября 2025 года № 3113-О, № 3114-О и № 3115-О, заявители указывали на невозможность полноценной реализации родительских прав в силу особенностей действующего правового регулирования, предполагающего зависимость установления родительства от согласия

суррогатной матери. Рассматривая данные обращения, Конституционный Суд Российской Федерации не усмотрел оснований для признания соответствующих норм неконституционными и фактически сохранил действующую модель регулирования. Тем самым на конституционно-правовом уровне был косвенно подтверждён приоритет существующего подхода, при котором договор о суррогатном материнстве не обладает абсолютной юридической силой и не может рассматриваться как безусловное основание для установления родительских прав, уступая место необходимости защиты личных прав участников и обеспечения наилучших интересов ребёнка [5].

Дополнительным этапом развития правового регулирования стало введение в 2022 году ограничений, связанных с участием иностранных граждан и лиц без гражданства в программах суррогатного материнства. В соответствии с Федеральным законом от 19 декабря 2022 года № 538-ФЗ закреплено, что лица, не обладающие гражданством Российской Федерации, не могут быть записаны родителями ребёнка, рождённого в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, если на момент заключения договора они не являлись гражданами Российской Федерации. Данная норма направлена на предотвращение злоупотреблений, связанных с так называемым «репродуктивным туризмом», однако одновременно она усиливает правовую неопределённость в трансграничных ситуациях, затрагивающих интересы ребёнка и потенциальных родителей.

В зарубежных правопорядках подходы к регулированию суррогатного материнства существенно различаются, что обусловлено как культурно-этическими установками, так и особенностями национальных правовых систем. В ряде государств, таких как Украина, Казахстан, Грузия, Южно-Африканская Республика и большинство штатов США, суррогатное материнство разрешено и урегулировано на законодательном уровне, причём нередко допускается его коммерческая форма. В этих юрисдикциях договор о суррогатном материнстве, как правило, обладает большей юридической определённостью и исполнимостью, а приоритет в установлении родительства чаще отдаётся генетическим родителям, что снижает риск возникновения конфликтов после рождения ребёнка [7, с. 52].

В других странах, включая Канаду, Австралию, Великобританию, Израиль и Данию, допускается исключительно некоммерческое суррогатное материнство, что отражает стремление законодателя минимизировать коммерциализацию репродуктивной сферы и предотвратить возможную эксплуатацию женщин. В таких правопорядках договор, как правило, не имеет полной юридической силы в части принуждения к передаче ребёнка, а ключевое значение придаётся судебному или административному утверждению родительства после рождения.

В то же время существует группа государств, в которых суррогатное материнство прямо запрещено, включая Францию, Германию, Норвегию, Швецию, Австрию и Китай. В данных странах любые соглашения, направленные на вынашивание ребёнка для третьих лиц, признаются недействительными, а участие в подобных программах может повлечь юридическую ответственность. Такая позиция основана на представлении о недопустимости превращения репродуктивной функции в объект гражданского оборота и защите достоинства женщины и ребёнка.

Наконец, в отдельных юрисдикциях, таких как Бельгия, Греция и Ирландия, суррогатное материнство фактически практикуется при отсутствии чёткого законодательного регулирования, что создаёт значительные риски правовой неопределённости и вынуждает участников опираться на судебную практику и общие принципы права [4, с. 118].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что ключевыми проблемами в сфере договора о суррогатном материнстве являются правовая неопределённость, коллизии между волей суррогатной матери и правами генетических родителей, сложности установления родительского статуса, а также трансграничные вопросы, связанные с признанием актов гражданского состояния и перемещением ребёнка через границы. Отсутствие унифицированных международно-правовых подходов приводит к ситуациям, при которых ребёнок, рождённый в одной стране, может не признаваться ребёнком своих генетических родителей в другой, что затрагивает его право на гражданство, имя и семейную идентичность [6, с. 154].

Особую значимость приобретает проблема недостаточности понятийного аппарата, поскольку отсутствие чёткого легального определения суррогатного материнства и соответствующего договора препятствует формированию единообразной правоприменительной практики и усложняет разграничение прав и обязанностей сторон. Это, в свою очередь, усиливает значение судебного усмотрения и доктринальных подходов, что не всегда обеспечивает предсказуемость правовых последствий.

Таким образом, договор о суррогатном материнстве в современном праве представляет

собой динамично развивающийся институт, характеризующийся сочетанием частноправовых и публично-правовых элементов, высокой степенью этической чувствительности и значительной вариативностью правового регулирования. Российская модель, основанная на признании решающей роли согласия суррогатной матери после рождения ребёнка, отличается от многих зарубежных подходов и одновременно демонстрирует наличие системных проблем, требующих дальнейшего совершенствования законодательства, в том числе в направлении конкретизации правового статуса сторон, повышения определённости договорных условий и учёта трансграничного характера соответствующих правоотношений.

Список литературы:

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // Российская газета, № 17, 27.01.1996.

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 17.11.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета, № 263, 23.11.2011.

[3] Александрова, П. А. Институт суррогатного материнства в международном частном праве: проблемы установления происхождения, гражданства и вывоза ребенка / П. А. Александрова, Д. С. Курманова. // Молодой ученый. — 2025. — № 44 (595). — С. 209-212.

[4] Анисимов, А. П. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах / А. П. Анисимов, А. С. Мограбян // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №5 (114). – С. 117-125.

[5] Дела о суррогатном материнстве в Конституционном Суде РФ – URL : https://constitutional-center.ru/dela-o-surrogatnom-materinstve-v-konstituczionnom-sude-rf-zashhishhaem-semejnye-czennosti/ (дата обращения 20.03.2026).

[6] Демидов, И. А. Институт суррогатного материнства в международном частном праве / И. А. Демидов // Юридическая наука. – 2025. – №. 11. – С. 153-157.

[7] Запольский, С. В. Российское и зарубежное законодательство о суррогатном материнстве - сравнительно-правовой анализ: конституционные и организационно-правовые аспекты / С. В. Запольский, А. А. Пестрикова // Журнал юридических исследований. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 50-59.

[8] Мельничук, М. А. Актуальные проблемы реализации прав и обязанностей субъектами правоотношений с использованием вспомогательных репродуктивных технологий / М. А. Мельничук, Д. М. Канукова // Закон и право. – 2025. – №. 3. – С. 78-82.

[9] Черных И. И. Особенности рассмотрения в суде дел об оспаривании отцовства (материнства) в правоотношениях суррогатного материнства / И. И. Черных // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 9. – С. 67 - 76.

References:

[1] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024, as amended on 30.10.2025) //Rossiyskaya Gazeta, No. 17, 27.01.1996.

[2] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (ed. 17.11.2025) “ On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation “// Rossiyskaya Gazeta, No. 263, 23.11.2011.

[3] Alexandrova, P. A. Institute of surrogacy in international private law: problems of establishing the origin, citizenship and export of a child/P. A. Alexandrova, D. S. Kurmanova .//Young scientist. — 2025. — № 44 (595). - S. 209-212.

[4] Anisimov, A.P. Surrogacy contract in Russia and foreign countries/A.P. Anisimov, A.S. Mograbyan//Actual problems of Russian law. – 2020. – №5 (114). - S. 117-125.

[5] Cases of surrogacy in the Constitutional Court of the Russian Federation - URL: https://constitutional-center.ru/dela-o-surrogatnom-materinstve-v-konstituczionnom-sude-rf-zashhishhaem-semejnye-czennosti/ (date of appeal 20.03.2026).

[6] Demidov, I. A. Institute of Surrogacy in International Private Law/I. A. Demidov//Legal Science. – 2025. – №. 11. - S. 153-157.

[7] Zapolsky, S.V. Russian and foreign legislation on surrogacy - comparative legal analysis: constitutional and organizational and legal aspects/ S.V. Zapolsky, A.A. Pestrikova//Journal of Legal Research. – 2021. - T. 6, NO. 1. - S. 50-59.

[8] Melnichuk, M. A. Actual problems of the implementation of rights and obligations by subjects of legal relations using assisted reproductive technologies/M. A. Melnichuk, D. M. Kanukova//Law and Law. – 2025. – №. 3. - S. 78-82.

[9] I.I. Chernykh. Peculiarities of consideration in court of cases challenging paternity (motherhood) in legal relations of surrogacy/I.I. Chernykh//Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2017. – № 9. - S. 67-76.